

И.В. МОСКВИТИНА
(Волгоград)

ТЕЛО И СОВРЕМЕННАЯ МАССОВАЯ КУЛЬТУРА

В статье выявлены и проанализированы современные тенденции, характеризующие гендерную стратификацию. Автор, используя ретроспективно-проективный подход, выводит причины, согласно которым женщины и мужчины идентифицируются по самым разным социальным и культурным критериям. Основные теоретические положения и выводы статьи актуальны в связи с возрастающей потребностью человека к рефлексии о своей антропологической сущности в условиях современной массовой культуры.

Ключевые слова: *гендер, культура, маскулинность, феминность, современность, тело.*

В статье «История в наших телах: мужчины и женщины» мы читаем, что исторические изменения образов мужского и женского тел неразрывно связаны с эволюцией как общего телесного канона, так и конкретных социальных стереотипов маскулинности и феминности. К примеру, гендерные исследования уже давно показали: история женского тела – это история подавления, о чем свидетельствует набор эстетических критериев [12].

Эстетика тел зависит от гендерной стратификации и особенностей жизнедеятельности мужчин и женщин, причем разные образы не только сменяют друг друга, но и сосуществуют. Чем сложнее культура, тем больше в ней нормативных вариаций и индивидуально-групповых различий, особенно заметных в повседневной жизни и в то же время формирующих ее. *Актуальность настоящей статьи* заключается в попытке выхода на объяснение некоторых тенденций, характеризующих и слагающих современное общество, включая положение в нем мужчины и женщины [14].

Вспомним, архаическое искусство, изображая мужчин, подчеркивает, прежде всего, репродуктивные и властные функции, мужчина ассоциируется то с фаллосом, то со своим социальным статусом. Античная Греция гуманизирует мужское тело, видя в нем воплощение божественной красоты, и грубый фаллицизм сменяется элегантной эротикой. Средневековое христианство отрицает античную поэтику телесности, пренебрегая красивым телом ради одухотворенного лица. Возрождение пытается сочетать обе традиции, утверждая гармонию плоти и духа. В искусстве классицизма живое тело снова идеализируется, подчиняясь формальному эстетическому канону красоты. Романтизм положил начало исследованию мужской субъективности, показывая, что мужское тело может быть не только красивым и сильным, но и ранимым. Реализм и натурализм деконструируют идеализированную красоту в пользу естественности. Развитие физической культуры и спорта создает новые возможности телесной самореализации, но мускулистое атлетическое тело легко превращается в военизированное, становясь символом антиинтеллектуализма и фашизма. Модернизм и постмодернизм деконструируют все и всяческие каноны мужественности, женственности; благодаря текучести, съёмности и множественности гендерных идентичностей, «мужское тело» теперь может быть и не совсем мужским, и не вполне телом. Гомозротический взгляд и женский взгляд на мужское тело еще больше усиливают эти тенденции. В противовес им снова возникает тоска по «настоящему мужскому телу», реализующаяся не в элитарном искусстве, а в массовой культуре. Достаточно вспомнить культовую фигуру Джонни Вайсмюллера в роли Тарзана и бесчисленных современных Конанов, Терминаторов, Рэмбо [13:385].

Несмотря на наличие транскультурных инвариантов, эстетика мужского и женского тел и критерии красоты очень зависят от гендерной стратификации и особенностей жизнедеятельности мужчин и женщин, причем разные каноны и образы маскулинности, феминности не только сменяют друг друга, но и сосуществуют.

Мы уже говорили насколько гендерная идентичность и одежда взаимообусловлены. Издавна одной из главных функций одежды было подчеркивание различий между мужчиной и женщиной. Переодевание мужчин в женскую одежду и наоборот, за исключением особо оговоренных случаев (карна-

вал, ритуал), воспринималось как нарушение человеческих законов и божеских и строго наказывалось. Однако до наступления буржуазной эпохи стереотип маскулинности не исключал многоцветья и разнообразия [13:385] (стереотип феминности – по умолчанию). Интересно заметить, что мужское «украшательство» нисколько не противоречит законам эволюционной биологии, и, возможно, вытекает из них; у многих видов животных самцы обладают более яркой и привлекательной внешностью, чем самки (хвост у павлина, грива у льва, рога у оленя, цветастое оперение у самцов многих птиц).

«В 17-18 веке круг предметов в сфере повседневности расширился за счёт индивидуальных вещей первой необходимости, призванных обеспечить индивидуальность, приватность и разумную организацию интимной сферы. Перестали быть диковинкой нижнее бельё, носовые платки, индивидуальные салфетки, индивидуальная посуда, предназначенная для разных кушаний и напитков, флаконы с духами (как отражение «обонятельной революции»)», иными словами, «в Новое время европейское человечество повсеместно переходит от биологического «старого» порядка к индивидуализированному, гигиеническому образцу жизни» [17].

Буржуазная эпоха во многом изменила систему мужских и женских ценностей. Главными буржуазными добродетелями стали бережливость, скромность, практичность, деловитость и самодисциплина [13:385]. В отличие от выставляемого напоказ эротического женского тела, мужское тело – это работающая машина, которая, прежде всего, должна быть исправна.

«Настоящий мужчина» должен быть грубоватым и сдержанным. Соблазнительность, изящество и стремление нравиться ассоциируются если не с женственностью, то с недостатком мужественности и гомосексуальностью. Считается, что телесная женственность предопределяет психологическую слабость, потому при всех региональных, сословных и иных вариациях с начала XIX до середины XX в., мода старалась сделать мужское тело максимально закрытым, сдержанным, эмоционально невыразительным. Интересно заметить, что модная одежда как показатель статуса маркирует не столько индивидуальные, сколько социальные качества.

Разумеется, всегда существовали люди, которые уделяли собственной внешности демонстративно много внимания и выступали против стандартизации мужского костюма в том числе (к примеру, дендизм). За необычной и вызывающей одеждой денди (Уайльд, Пушкин) стояла не просто потребность выделиться, но сознательный эстетизм, желание сделать свое тело более выразительным и экспрессивным (Лотман, 1994). Хотя консервативное «мнение света» [13:386] осуждало дендизм, связывая его со всевозможными нравственными пороками и чаще гомосексуальностью (Бэр, 2002), его новации восторженно принимала и подхватывала восторженная молодежь.

Молодежи всех народов и времен свойственна потребность отличаться от старших поколений. В одежде сделать это значительно проще, чем в других сферах. Некоторые изменения мужского и женского телесного канона, совершившиеся в XX в., были обусловлены изменением взаимоотношений между поколениями. Оппозиционная по отношению к буржуазному обществу молодежная культура заняла господствующее положение на рынке массового потребления. И важно это по той причине, что с этого момента молодежная мода перестает быть маргинальной.

Обнаженные руки, грудь и ноги из спортивных залов постепенно переместились в места массовых молодежных развлечений. Мужская одежда стала более открытой, сексуальной и неформальной. Но, что особенно важно, была резко ослаблена поляризация мужской и женской одежды, вплоть до полного отрицания половых различий – появился стиль «унисекс».

Безусловно, рост общественной терпимости к наготе и неформальность одежды не отменяют социального контроля над телом. Меняются только его способы. По Бодрийяру, разные формы сознания и культуры опираются на разные базовые модели тела [13:388]. Для медицины базовая форма тела – труп, который можно анатомировать; для религии – зверь, инстинкт и вождление плоти, которые необходимо подавлять и дисциплинировать; для политэкономии материального производства – робот, рабочая сила, которую нужно эффективно использовать; а для политэкономии знака (производство

символов) – манекен, которому с помощью одежды можно придать какой угодно вид и смысл. И. Кон отмечает, что в современной массовой культуре доминирует последняя модель [13:388]. Разные социальные контексты позволяют людям по-разному конструировать как чужое, так и собственное тело. Нагота, как мужская, так и женская в этой системе ценностей есть лишь «сексуальный инструментарий» [10]. Повышение терпимости к телесной нагоде – лишь один из признаков изменения отношения к сексуальности. Современную массовую культуру не без оснований называют «культурой стриптиза» [7]. Примечательно, что публично демонстрируются не только тела, но и эмоции.

По мнению специалистов, репрезентация полуодетого тела – не новая свобода, а скорее «новый способ капиталовложения, когда контроль осуществляется не столько путем подавления, сколько путем стимулирования: раздевайся, но будь стройным, красивым, загорелым!» [3]. Не случайно тон в этом деле задает реклама.

Объективация и эротизация тела в рекламе – массовый процесс. Исследование рекламных проспектов с изображением мужского и женского тела, помещенных в женских журналах «Glamour» и «Cosmopolitan» с 1950г., выявило, что доля рекламных объявлений, демонстрирующих раздетых женщин, составляла около 20% и осталась относительно стабильной. Напротив, процент объявлений, изображающих неодетых мужчин, резко вырос: в 1950г. их было менее 5%, а в 1990-х гг. – уже 35% [8]. Значительно чаще стали публиковать изображения нагих мужчин и в журналах, рассчитанных на мужчин. Меняется и характер самой рекламы, которая стала более откровенной и сексуальной [13:389].

Идеал мужской красоты в кино и на телевидении, особенно в образах культовых актеров (А. Шварценегер, С. Сталлоне, К. Вандамм) практически отождествляет маскулинность с мускулистостью.

Существенный момент «реабилитации» мужского тела – ослабление запретов на изображение волосяного покрова. Как и в классической живописи прошлого, в изданиях и рекламных роликах мужское тело до недавнего времени изображалось гладким и безволосым, что позволяло выглядеть ему одновременно более молодым и менее агрессивным [13:392]. Но многим мужчинам и женщинам волосатое тело нравится, кажется более сексуальным, а клиент, как известно, всегда прав.

Интересно, что для российской массовой культуры современные изменения в облике мужчины пока не очень привычны. Многим российским мужчинам по-прежнему импонирует традиционный образ «сильного и грубого мужика» [13:394]. В некотором смысле, это специфически русский феномен – «мужик» по определению «русский» [15]. По Далю это слово обозначает одновременно пол, возраст, социальный статус и свойства характера [11]. Как всякий «настоящий мужчина», «мужик» обязан доказать, что он «не баба, не пацан» [13, с. 394]. В противоположность слабому «иноземному джентльмену» и «хлюпику-интеллигенту», он отличается повышенной сексуальностью, любовью к спиртному, силой и грубостью. «Мужик» – это дикий мужчина, который ценит собственные природные свойства и не нуждается в украшениях [15]. И потому закономерно, что образ «мужика» раскручивается не только в кино и в коммерческой рекламе, но и в политике.

Возвращаясь к общим тенденциям современного западного мира, интересно говорить о «комплексе Адониса». Так американские исследователи обозвали явление, отражающее заботу о красоте и равнение на заведомо нереалистические образцы мужского и женского тела, пропагандируемые кино и телевидением, которые приобрели массовый характер и нередко вредят здоровью [8].

Говоря о последствиях, положим, пластическая хирургия в США выросла в крупный бизнес, и интересно, что уже в 1994г. каждая четвертая операция делалась мужчинами. Данная тенденция распространяется и на другие страны [13:400]. Среди клиентов Лондонской клиники эстетической пластической хирургии 40% – мужчины [6]. Удивительно, но среди опрошенных американцев 38% мужчин хотели бы увеличить грудные мышцы – это на 4% больше числа женщин, желающих увеличить молочные железы [1].

Характерной особенностью современности является то обстоятельство, что объективированное, ставшее доступным взгляду голое мужское тело утрачивает «фаллическую броню» и становится уяз-

вимым. Это порождает у мужчин тревоги и нервные расстройства, которые недавно считались исключительно женскими. Особенно сильны страхи у «геев, моделей и спортсменов» [2].

Закономерно также, что слабое и тучное тело ассоциируется сегодня со слабоволием, а физические упражнения рассматриваются не как средство укрепления здоровья, а как способ стать красивее и повысить свой статус у сверстников [5].

Откровенной демонстрацией не столько физических возможностей тела, сколько красоты, является бодибилдинг. Мужчины всегда занимались физическими упражнениями и накачкой мускулов и делали это публично. Но для обычного атлета, как и для воина или охотника, мускулатура функциональна, ее наращивали для решения какой-то «действенной» задачи – поднять, пробежать, метнуть, прыгнуть. В бодибилдинге мускулатура – сомоцель [4]. Также рассматривая специфику современной культуры необходимо отметить, что бодибилдинг доступен для женщин и популярен в этой среде.

В современном обществе нередко средство становится самоцелью, люди хотят получить вознаграждение за потраченные усилия и время и требуют, чтобы к их телу относились как к произведению искусства. «Почему творения интеллекта – книги, картины, другие формы «искусства» – можно достойно демонстрировать, выставлять напоказ, а тело – нет? Я потратил часы, дни, месяцы, годы на книгу. Я хочу, чтобы ее приняли, любили, хвалили, чтобы ею восхищались. Но чем мое тело хуже? Я также потратил на него часы», – замечает американский писатель Джон Речи [9]. В определенном смысле в современном искусстве сместился вектор в отношениях «естественное-искусственное». «Помимо развеществления вещи в искусстве происходит и обратный процесс – овеществление таких элементов бытия, которым этот формат отнюдь не был свойствен: объекты природы (Х. Явашев «Упакованные скалы»), сам человек (М. Парр «Ножная спираль», И. Клейн «Модель и её оттиск на бумаге»). То есть даже человеческое тело перестаёт для художника быть целью – живым, индивидуальным, выражающим уникальную личность, а выступает бездушным объектом или даже материалом, сырьём для искусства, а, точнее, произвола его создателей» [18].

Эта установка подрывает традиционную оппозицию, когда мужчина «действует», а женщина «является». Сегодня мужчина создает свое тело, а затем с гордостью его показывает. То же самое делают и женщины. В XIX в. женщины охотно демонстрировали свою красоту на балах, но никогда не говорили о ней публично. Несколько десятилетий тому назад современные телевизионные уроки аэробики и фитнес клубы показались бы не просто неприличными, но (и это важнее) неэстетичными. Теперь же их не без удовольствия смотрят даже те люди, которые никогда туда не пойдут [13:402].

В заключении следует говорить о том, что объективация женского и в особенности мужского тела ставит перед обществом много новых проблем. Но это не катастрофа, а лишь аспект глобального долгосрочного процесса ломки привычных гендерных стереотипов, ослабления поляризации «мужского» и «женского» начал, плюрализации стилей и образов жизни. Единой поэтики мужского (женского) тела, как и маскулинности (феминности), никогда не было, нет, и не будет, каждая индивидуальность несет в себе собственные проблемы и трудности [13:406].

Взамен утраченной и отчасти уже иллюзорной гегемонии мужчины (и женщины) многое приобретают. Тело может быть эротическим объектом, на него можно смотреть и даже разглядывать, и этот взгляд не унижает ни смотрящего, ни того, кем любуются.

Снятие с мужского тела «фаллической брони» повышает его чувствительность и облегчает эмоциональное самораскрытие, что очень важно в отношениях как с мужчинами, так и с женщинами. Даже такие традиционные мужские ценности как развитая мускулатура становятся средствами эмоциональной и сексуальной выразительности, в том числе и для женщин.

Понимание своего тела не как крепости, а как «представления» расширяет возможности индивидуального творчества, изменения, обновления, нарушения однажды заданных и затем ставших привычными границ и рамок. До тех пор, пока мужские и женские свойства считались полярными, потребность демонстрировать себя другим приписывалась исключительно женщинам; у мужчин ее

воспринимали как напряженное внимание к собственному «я», как проявление нарциссизма. Ничего, кроме неприятностей, такая «психиатризация» мужского тела и связанных с ним коммуникативных свойств мужчинам не приносила. Это всего лишь аналог того, что Мишель Фуко называет «истеризацией женского тела» [13:406].

Важно обратить внимание, что никакого «унисекса» в процессе этой трансформации не возникает. Не говоря уже о текучести и изменчивости любой моды, создаваемые ею образы вовсе не тождественны у мужчин и женщин. Одинаковая по стилю одежда нередко даже подчеркивает половые различия, в соответствии с принятыми в данный момент критериями сексуальной привлекательности. Тем более это верно в отношении обнаженного тела. Да и сами каноны маскулинности (феминности) остаются множественными и потому, происходит не столько стандартизация телесного канона, сколько его плюрализация, расширяющая диапазон и возможности индивидуального выбора. Новый телесный канон предполагает и другой тип межличностных отношений [13:407].

Однако ничто не происходит само собой, автоматически. Культура и общество сталкивают человека с проблемой. Как именно он ее сформулирует и будет решать – зависит от него.

Литература

1. Cloud J. A new book reveals a troubling obsession: how male self-worth is increasingly tied to body image // Time magazine. 2000. April 24. N 16. vol. 155.
2. Dotson E.W. Behold the Man. The Hype and Selling of Male Beauty in Media and Culture // NY: Harrington Park Press. 1999.
3. Foucault M. Body/Power // C. Gordon, ed. Michel Foucault: Power/Knowledge. Brighton: Harvester. 1980. P. 57.
4. Ssell S. Bodybuilder Americanus // Goldstein, ed. The Male Body. 1994. P. 45.
5. Grogan S. and Richards H. Body image: focus groups with boys and men // Men and Masculinities. 2001. N 3. Vol.4. P. 219.
6. MacKinnon K. Uneasy Pleasures. The Male as Erotic Object. L.: Cygnus Art. 1997. P. 114.
7. McNair B. Striptise, media and the democratization of desire. L.: Routledge. 2002.
8. Pope et al. Pope H.G.Jr., Phillips K.A., Olivardia R. The Adonis Complex: The Secret Crisis of Male Body Obsession. NY: Free Press. 2000.
9. Rechy J. The Sexual Outlaw. A documentary. A non-fiction account, with commentaries, of three days and nights in the sexual underground. NY: Grove Press. 1977. P. 68-69.
10. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / Пер. с франц. М.: Добросвет. 2000. С. 185, 216.
11. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 2. М.: Русский язык. 1999. С. 356-357.
12. История тела: В 3-х т. / Под ред. Алена Корбена, Жан-Жака Куртина, Жоржа Вигарелло. Т. I: От Ренессанса до эпохи Просвещения. 2012. С. 8-9.
13. Кон И. Мужское тело в истории культуры. М. 2003. С. 385.
14. Москвитина И.В. История в наших телах: мужчины и женщины // Fundamental and Applied studies in the Pacific and Atlantic oceans countries, Volume 1. Философия. 2014. С. 345-355.
15. Утехин И.В. «Яйца, табак, перегар и щетина»: о некоторых средствах конструирования маскулинности // Мифология и повседневность. Гендерный подход в антропологических дисциплинах. Материалы научной конференции 19-21 февраля 2000 года. СПб: Алетейя. 2000. С. 272.
16. Шабурова О. Мужик не суетится, или Пиво с характером // О мужественности. 2002. С. 533.
17. Шипулина Н.Б. Вещь и предметная среда в европейской культуре XVIII века // Наука, искусство, образование в III тысячелетии: Материалы II Международной научной конференции, г. Волгоград, 4-7 апреля 2006 г. Волгоград: Волгоградское научное издательство. 2006. С. 572-576
18. Шипулина Н.Б. Художественная культура в аспекте реалогии: человек и вещь в искусстве // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). 2013. № 9. Том 2. С. 34-41

Рекомендовано к публикации:

Шипулина Н.Б., кандидат философских наук, доцент